

26 июля 2013

ПО СЛЕДАМ «ЗУБРА»

Валентин Осипов

Недавнее («Журналист», 2012 г., № 12) интервью с замечательным писателем Даниилом Граниным, обладателем первой премии «Большая книга» за 2012 год, вернуло меня к воспоминаниям, связанным с одним из самых удивительных его произведений, художественно-документальным романом «Зубр» — о русском ученом необычной биографии Николае Владимировиче Тимофееве-Ресовском. Судьбе стало угодным через два десятка лет после публикации романа в «Новом мире» отправить меня лечиться в Медицинский научный радиологический центр в Обнинске, где некогда работал Тимофеев-Ресовский. И пополнились мои блокноты.

Встреча через 20 лет

Николай Владимирович появился в этом «закрытом» атомном наукограде в 1964–м. С женой-красавицей, тоже научным работником. И с записью в личном деле: работал с 1925–го в Германии.

Равнодушным — ясное дело — это не оставило никого. Сексотам (секретным сотрудникам КГБ) выпала нелегкая доля следить за ним, И глыбище мировой значимости, и нрав — как у неприрученного зубра. Не просто так возникло прозвище.

Пути господни неисповедимы. Это к тому, что будущий директор будущего Центра Г. Зедгенидзе познакомился со своим будущим работником еще в 1945–м. Германия: оккупационные державы принялись не только за денацификацию — выявление бывших нацистов. Была еще одна цель: взять под контроль промышленность стратегической значимости и связанные с ней научные центры, склонить на выезд особо значимых ученых и конструкторов.

Книга воспоминаний Зедгенидзе ... Его, полковника медслужбы, прошедшего войну, назначили руководителем ко-миссии по немецким научно- исследовательским медицинским учрежде-ниям. В институте мозга он узнал, что здесь, в Германии работает русский ученый, которого чтут даже нобелевские лауреаты, что нацизмом в года войны себя не запятнал, что сын его сгинул к концлагере и что сам ученый хочет вернуться в Россию...

Их вторая встреча произошла в 1961–м. Былой полковник — уже давно директор обнинского медицинского центра. Позже Зедгенидзе внес в свою меморию: «В Москве, в здании Академии медицинских наук ко мне подошел Н. В. Тимофеев-Ресовский с просьбой принять на работу. Он добавил: “К тому же я уроженец Калужской области. Естественно, мне будет там вдвойне приятно работать”. Я узнал, что судимость с него уже снята...» (в послевоенной биографии Тимофеева-Ресовского была и такая зловещая строка – ему при возвращении на родину не простили пребывания и работы в Германии).

Итак, в Центре появился Зубр. Потом был вынужден покинуть его: через годы, когда, казалось, отлично прижился, местные руководители решили избавиться от него, трусливо перестраховавшись. Убоялись, как бы им не вчинили обвинение, что покрывают «идейно неразоружившегося эмигранта» с репутацией жреца независимых суждений и поведения...

Но в конце жизни он все-таки вернулся в Обнинск. О его возвращении мне рассказал нынешний заместитель директора Центра по науке, первоклассный хирург Борис Бердов

— Тимофеев-Ресовский стал жить и работать в Москве. На космос! Эта работа ему «аукнулась». Однако пробил час — и ему пришлось вспомнить атомный Обнинск: приехал лечиться в наш центр, а было ему более 80 лет. Я увидел его и понял: дела плохи. Безразличие пронизывало всю его сущность. Он отказался бороться за жизнь, сник. Многое сказалось, в том числе недавняя смерть жены...

Бердову пришлось оперировать. Но ни талант хирурга, ни старания всех, кто стоял у хирургического стола, — не помогли...

Кое-что из характера Зубра

Таковы начало и завершение обнинской биографии Зубра. А что же происходило «в середине»?

...В книге Зедгенидзе читал: «Он не имел никаких документов об образовании, окончании университета и ученой степени».

Это обстоятельство, бьющее по самолюбию Зубра, потянуло за собой то, что быт строился наискромным: «Ему был установлен оклад 105 рублей в месяц как научному работнику, не имеющему ученой степени. Его жена, Елена Александровна, как кандидат биологических наук, была зачислена с окладом 175 рублей».

Вот и пытайся, паря в научных эмпиреях, не думать о хлебе насущном. Но и эту несправедливость переносил с превеликим достоинством, что подметил директор: «Он говорил: нам с Лелькой (так называл свою жену) вполне хватает».

Пришлось коллегам узнавать, по каким причинам известный в мире ученый не имеет подтверждения своего научного статуса. И выяснили: немецкие документы по тогдашним законам юридической силы не имели. Однако Зедгенидзе восстал и добился выдачи Тимофееву-Ресовскому диплома доктора наук.

Стоит заметить, цена такого диплома по советским временам была очень высока в буквальном смысле. Зарплата Зубра наконец-то стала достойной — 500 рублей. близко к окладу министра.

В изучаемой им медицинской радиологии ученый стал применять принципы генетики. И это в голы лысенковщины, когда она была объявлена «лженаука»! В романе Д. Гранина подробно и ярко описаны беды-тяготы тех послевоенных лет, которые не сломили гордого — зубриного! — характера ученого.

И вот дополнительное свидетельство от Зедгенидзе: «Никогда не защищался от нападков и анонимок, которые частенько появлялись в соот-ветствующих органах Обнинска. На мои замечания, что на анонимки надо писать объяснения, он обычно говорил «Доказывать свою честность и порядочность смешно и глупо». Как иначе мог складываться характер у потомка донских казаков и рода дворян Всеволожских, куда вписались имена адмиралов Сенявина и Нахимова, признанного даже советской властью князя-анархиста Кропоткина.

Во всем и всегда Тимофеев-Ресовский был горазд на острые оценки. Кое-что из таких речений, злободное и по сию пору, сохранилось у обнинцев в памяти, и осело в моих блокнотах:

«Что за мир, где прыгунов, танцоров, певцов и футболистов знают лучше, чем гениев, разгадавших шифры и тайны природы, открывших человечеству пути познания окружающего мира?».

«Наша страна плохо знает своих ученых. Они ведь скромные, не умеют, да и не принято, друг друга прославлять, как это делают артисты, композиторы, певцы».

Телевизор и наезды из своего городка в Москву помогли ему узнавать, каков столичный мир искусств. И однажды он вдруг поехидничал:

«Хорошие актеры перевелись, остались лишь «гениальные» и «великие». В худшем случае — «блестящие». С каким восторгом они говорят друг о друге в «театральных гостиных», на юбилеях, по телевидению по любому пово-ду».

Опасные связи

В романе Гранина меня заинтересовала фраза: «В Обнинске вокруг него по-прежнему бурлила, клокотала молодежь его лаборатории». Стал расспрашивать старожилов, что кроется за этим свидетельством. И немалое открылось для меня.

— На молодежь очень влияло то, что он терпеть не мог халтуру, жульничество в науке, — вспоминает ныне маститый ученый А.В. Севанькеев. — Однажды поймал одного нашего аспиранта на том, что подделал протокол опытов. Такой шум был! Николай Владимирович кулаком по столу стучал, кричал: «Может обвешивать торговка на рынке, но не ученый! Науку надо делать чистыми руками! Надо быть честным!»

Но и такое помнится до сих пор:

— Атмосфера у нас в отделе была очень легкой. Всегда шутки, даже легкий флирт. Николай Владимирович любил подтрунивать. К примеру, Евгении Исаевой говаривал: «Ну-ка, Женечка, выпрями «спинозу» (обыгрывая фамилию философа). Разогнись, выпрямись...»

— Демократичный был человек — очень свободный в общении. После работы молодежь отдела частенько собиралась у него дома почаевничать. У них в семье был проигрыватель и много хороших пластинок. Особенно любил Николай Владимирович хоровое пение, казачьи хоры. Энциклопедическая эрудиция сочеталась с высоким уровнем культуры Он рассказывал много интересного на самые разные темы — живопись, русская икона, литература. Мы тянулись к нему. Мне кажется, и он отдыхал в нашем кругу.

— Обсуждались и свежие научные проблемы, — дополняет еще один ветеран Н.Г.Горбушин, — звучали рассказы о путешествиях по древним русским го-родам Среди гостей на вечерах у Николая Владимировича — ученые, историки, экономисты, искусств-воведы, психиатры, даже священники.. Однажды заметка об этих встречах появилась в журнале «Огонек»...

Былые молодые ученые, нынче уж в давних сединах, с увлечением рассказывают, как их кумир, в преизбытке наполненный наукой, с превеликим удовольствием втягивался в смешную самодеятельность. И они вместе лихо распевали под гитару на вечеринках у Зубра «физико-обнинские» песенки: «Я пью за бетатроны, за синхрофазотроны, за плазму, чтоб устойчивей была. За трэфу и за бубну, за Обнинск и за Дубну...»

...Дружба корифея с молодежью встревожила местное начальство. Посыпались доносы «куда надо». Один из «бдящих» руководителей восклицал: «Как могло случиться, что изменника Родины, работавшего с фашистскими учеными в течение более 20 лет, не только приняли на ответственную работу в закрытом городе Обнинске, обеспечили жильем и большим ок-ладом, но даже поручили обучение и воспитание советской моло-дежи?».

Или такое вогнало в испуг. Взял да и пригласил погостевать Александра Солженицына, автора немало смутившей ЦК лагерной повести «Один день Ивана Денисовича».

Коробили перестраховщиков даже в общем-то невинные шуточки, на которые Зубр был горазд: «От хорошей жизни в космос не полетишь». Или «Звание ученого не лишает права называться интеллигентным человеком».

Завещание с гибельной «точкой бифуркации»

После кончины Зубра прошло уже сколько времени. Но многие научные идеи Тимофеева-Ресовского плодотворны и сегодня, помогают определять развитие человечества на современном этапе. Последователем великого русского ученого В. И. Вернадского, он сформулировал ключевую проблему биологической науки с заглядом в XXI век — взаимообусловленность биосферы и человечества. В 1968 году на конференции в Обнинске он назвал несколько наиболее важных заповедей. Оратор надеялся, что откроет глаза недалеким политикам и ученым:

«Небрежное отношение к биосфере, подрыв ее правильной работы будет означать не только подрыв пищевых ресурсов людей и целого ряда нужного людям промышленного сырья, но и подрыв газового и водного окружения людей. В конечном счете люди без биосферы или с плохо работающей биосферой не смогут вообще существовать на Земле».

Тимофеев-Ресовский предсказал тогда, что если человечество не очнется, то именно по своей вине уничтожит себя:

«Экологический кризис — это близость системы к точке бифуркации (раздвоение, разделение, разветвление. — В. О.), за которой эволюция может пойти принципиально разными путями, причем в новой биосфере человеческому виду места может и не найтись».

Ученый обращался из своего невеликого на карте страны города ко всей огромной планете с особым заветом: для сохранения жизни на Земле надо жить не бездумно, но оглядываясь по сторонам своего бытия. Человек сохранит себя, если каждое свое деяние на земле, в небесах и на море будет рассчитывать на соразмерность с природой.

Заземленность!

Витал, как видим, ученый мыслителем в высших сферах осмысления судеб человечества. Но в один ряд и такое узнаю от ветеранов Центра: «Взялся помочь земледельцам нашей Калужской области, хотя никогда не занимался сельским хозяйством. Совместно с одним почвоведом составил подробную карту химического состава почв области. Она значительно облегчала совхозам и колхозам подбор культур и удобрений».

В 2000 году, в ознаменование 100-летия со дня рождения В.Н. Тимофеева-Ресовского в Обнинске прошла Всероссийская научная конференция «Биосфера и человечество». Провели ее не в палитре панегириков славному прошлому, а обсуждая заветы Зубра в развитии. Прошли, например, доклады: «Новый образ теоретической биологии» или «Проблемы эволюционного происхождения интеллекта» (каково!). И еще я обратил внимание: чтит память небожителя от науки, но не отрывали науку от земли. Подготовили такие доклады: «Действие ультрафиолетовой радиации на микроэволюционные процессы в популяции высших растений», «Влияние облучения и полноценности кормления на мясную продуктивность и воспроизводительные качества овец».

Спрашиваю нынешнего директора Центра академика Анатолия Цыбу: как в повседневье чтите память Зубра? Ответ:

— Ведем Международную школу радиобиологии. Собираем до 150 аспирантов и молодых ученых — россиян, белорусов, украинцев, армян, казахов... Отчеканили медаль в память ученого — нашим и иностранцам за выдающиеся труды в области радиобиологии, радиационной генетики, эволюционного учения и охраны окружающей среды... Губернатор учредил премию имени Тимофеева-Ресовского...

И заметил, вспомнив диагноз Николая Владимировича, с которым он ушел из жизни, и его последний, шуточный завет в канун ухода, в чем тоже проявился его характер:

— Каждый серьезный наш ученый наследует наставление Зубра: «99,975% всех людей, умерших от рака, всю свою жизнь страдали любовью к огурцам, да и у 100% больных иными болезнями также выявлено хроническое поедание огурцов». Оно, конечно, пародия на формалистские труды, а кое-кому все же полезно это знать.